

О РОССИЙСКОЙ И ЗАПАДНОЙ СИСТЕМАХ МОТИВАЦИИ ТРУДА

Л. А. Дедов, Ю. Н. Эйсснер

В статье анализируются различия российской и западной систем трудовой мотивации. Основываясь на историко-философском подходе, авторы исследуют влияние факторов общественной морали на поведение индивидов и роль группы в социальной мотивации. Показывается важность учета в социальной мотивации коллективных норм поведения. В этой связи сравнивается этический строй западного и российского обществ.

Одна из типичных проблем, с которыми сталкивается большинство руководителей российских предприятий, — это затруднения, возникающие при внедрении в коллективы различных способов индивидуальной мотивации труда. Сложности эти тем острее, чем более интегрированным и стабильным является коллектив. Они приводят к двум конечным результатам. В одном случае — новации не принимаются, коллектив оказывает молчаливое сопротивление их внедрению. В другом случае коллектив принимает мотивацию индивидуального труда, следствием этого является растущая дезинтеграция коллектива и конфликты.

Важно отметить, что система мотивации труда в различных культурах различна.

В настоящее время культура современного западного общества изучена достаточно основательно для определения в нем фундаментальных точек системы мотивации труда. В основу положим идею М. Вебера: для того чтобы понять общество, необходимо определить мотивы индивидов и характер общественных норм, в которых ориентируются эти индивиды. Эта идея была реализована им в книге «Протестантская этика и дух капитализма», где дан подробный анализ влияния нормативных условий на деятельность и поведение отдельных групп и индивидов [3].

Главная и важнейшая ее мысль: основной императив протестантизма — осуществление своего мирского призвания угодно Богу.

Способ осуществления этого императива (или реализация призвания в повседневной жизни) строился на рационализме, то есть на таком действии предприимчивого человека, которое «планомерно и трезво направлено на реализацию поставленной перед ним цели» [3, с. 94].

В целом все это определило дух капитализма. Собственно, понятие «дух капитализма» выступает у Вебера как определение такого строя мышления, для которого характерно систематическое и рациональное стремление к законной прибыли в рамках своей профессии [3, с. 85].

Вебер показывает, что стремление к призванию, достижению — исключительно капиталистическая особенность. Капиталистическая этика предполагает определенный идеал. Человек, соответствующий этому идеалу, должен обладать рядом качеств и пройти предписанный путь. Прежде всего, «капиталистический» человек характеризуется трудолюбием и бережливостью. С помощью этих качеств он посвящает себя делу и получает определенный результат — решает проблему своего жизненного обеспечения. По деловитости его принимают «в свои». А как высшую награду он получает признание других людей. Лейтмотивом через всю жизнь человека проходит трансцендентальное стремление в реализации призвания. Именно в этом и осуществляется человеком, говоря современным языком, самоактуализация. Также теорию мотивации Маслоу можно трактовать как описание сложившегося в западной культуре этического способа мотивации индивидов. В этом смысле иерархия потребностей Маслоу наибольшим образом соответствует концепции Вебера.

Описание мотивационного принципа западного индивида таково:

- необходимо стремиться к достижению;
- необходимо полагаться только на себя, свои силы — проявлять частную инициативу;
- к достижению нужно стремиться поэтапно, реализуя постепенно свои потребности;
- действия должны быть рациональными, то есть индивид должен четко определить, к чему он стремится и какими средствами;
- рациональность принимается западным индивидом как правильный способ действия.

В начале XX в. Фредерик Тейлор и Генри Форд, гениально почувствовав данный принцип, разработали основу системы мотивации труда в западном обществе, построив его на индивидуальной стимуляции. Однако данный принцип столкнулся с рядом трудностей в других культурах (например, японской, где он неприменим).

Необходимо признать, что индивидуальная стимуляция не применима и в России. Это

Этический строй России и Запада, добродетели и грехи в православной нравственной концепции и потребности по концепции Маслоу

Добродетель	Грех	Потребность по Маслоу
Воздержание	Чревообъядный	Физиологические
Целомудрие	Блудный	Физиологические в принадлежности и любви
Нестяжание	Сребролюбивый	В безопасности
Кротость	Гневный	В безопасности
Блаженный плач	Печальный	В принадлежности и любви
Трезвение	Уныние	В признании
Смирение	Тщеславный	В признании
Любовь	Гордостный	В признании
Свобода духа	Раб страстей	Самоактуализация

вызвано тем, что организация потребностей в российском обществе имеет иной этический строй, нежели на Западе. Так же, как и правильный способ действия является в России не рациональным, а иным.

Организация потребностей в российском обществе (этический строй) возник не на фундаменте протестантской этики, а на базе православной, заложившей свои собственные императивы. Это обосновывает Николай Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма», его генеральная идея воплощена в одной фразе: «Душа русского народа была сформирована православной церковью, она получила чисто религиозную формацию» [1, с. 8].

Собственно потребности Маслоу понимаются как грехи. Православные мыслители [7] описывают борьбу с восьмью основными смертными грехами (чревообъядный, блуда, или любострастия, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславия, гордыня), тяжесть которых возрастает от низших к высшим. Три из них — гордыня, тщеславие и сребролюбие — водораздел русской и западной культур. Западный мир принимает рациональную гордость, протестантская этика оправдывает и обосновывает гордыню, которая, как и тщеславие, и сребролюбие органично вплетена в западную культуру.

Сравним нравственный строй западного общества, аккумулированный в концепции Маслоу [6], с нравственным строем русской социальной системы, оформленной православием (табл.).

Главное отличие одного от другого — русская мораль ориентирована на сдерживание и кумуляцию энергии; западная мораль — на снятие факторов, сдерживающих активность индивида, свободу его действий. Вряд ли имеет смысл утверждать, что одна из концепций лучше другой. Вывод, следующий с необходи-

мостью: каждому социуму соответствует свой собственный этический строй. Протестантская этика, используя образ, напоминает механизм наполнения резервуара водой, в котором главная задача — прочистить каналы, питающие этот резервуар, дать свободу движения в этот резервуар. Естественно, даже не предполагается, что частная инициатива свободных потоков может быть направлена в другой резервуар. Чем больше каналов (чем больше частной инициативы) в резервуар, тем он полнее. Наполнение резервуара социума энергией индивидов — цель социальной системы Запада.

Совсем иное — русская социальная система. Наш «резервуар» либо пуст, либо переполнен. В первом случае — русские в печали и унынии. Во втором случае наши действия переполнены страстями (или грехи).

Общий моральный императив находит свое воплощение на уровне бытовой, повседневной нравственности. И здесь важный коллективный стереотип мироощущения — признание ценности коллектива. Все это воплотилось в комплексе норм и ценностей, именуемых круговой порукой.

Нормы в российской культуре принимаются в двух основных ипостасях, в двух категориях: первая — нормы-препятствия, с которыми можно поиграть, которые не грех нарушить; вторая — священные нормы, которые не подлежат обсуждению, нормы-табу, или экзистенциальные ценности.

Первая категория норм (нормы-препятствия) идет от человека и для отдельного человека. Инициаторами таких норм могут быть отдельные люди, устанавливающие нормы в интересах отдельного индивида, группы индивидов или даже для каждого индивида в отдельности. Во всех случаях это — не более чем правила игры, которые устанавливает одна из сторон игры. А значит, их не грех нарушить.

Вторая категория норм основана на традиционном принятии приоритета общины над индивидом, а следовательно, принятии приоритета норм, отражающих интерес коллектива, который выше интереса отдельного индивида. В нашей культуре существуют нормы, которые действуют как табу, нормы, которые человек не в состоянии нарушить. Вместе с тем иногда можно наблюдать смену таковых норм на их полную противоположность. Фундаментом наших норм оказывается ощущение преобладания коллектива над индивидом, что выражается в принципе «будь как все». Именно этот принцип управляет и предопределяет другие переменные нормы. Сам этот принцип имеет две стороны. В одном случае община, коллектив препятствуют выделению индивида, негативно оценивают или даже пытаются устранить его отличие от других, в другом случае — поддерживает индивида.

В первом случае принцип «будь как все» приобретает ограничение — «не отрывайся от коллектива», что проявляется в осуждении общественным мнением желаний казаться «умнее всех», быть «самым деловым», быть «самым чистеньким» и т. п. Западный человек демонстрирует свои отличительные качества, российский человек, напротив, не должен «высовываться». Не случайно главный герой многих наших сказок — дурак.

Попытка выделиться, показать свою исключительность, неповторимость наказывается, репрессирована коллективом. Наша культура имеет следующие механизмы репрессий. Первоначально нежелание «быть как все» высмеивается. Русский язык в состоянии давать достаточно меткие и яркие негативные имена любому отличию, любой форме демонстрации индивидуальности. Общественное высмеивание переворачивает положительное самомнение индивида о своем отличии, вводя его в состояние фрустрации. Кстати, волна анекдотов про «новых русских», в которых создан негативный образ современного предпринимателя, — действие данного регулятивного механизма, высмеивания.

Если насмешка не обладает силой, включается более сильный механизм — зависть. Зависть как регулятивный механизм обычно призвана уравнивать амбиции индивидов.

Крайней формой уравнивания является раскулачивание. Раскулачивание построено на формуле Шарикова «Взять все и поделить» [2]. Эта формула характерна не только для люмпена, это общий регулятор культуры. Не случайно фразу «делиться надо» можно слышать

не только от криминалитета, но и от государственных сановников.

Этот регулятор поведения человека в коллективе может нравиться или нет, в данном случае мы должны зафиксировать его существование. Как регулятор, обеспечивающий существование системы, он выполняет функцию — поддержание устойчивости.

Совсем иначе принцип «будь как все» действует, когда индивиду хуже, чем другим. В России наверняка нет ни одного человека, не испытавшего на себе в трудных условиях поддержку коллектива. Именно это и есть другая сторона принципа «будь как все».

Особенность действия этого принципа в том, что окружающие приходят на помощь потерпевшему зачастую тогда, когда он об этом не просит. Существует как бы негласное правило: нуждающийся не просит о помощи, коллектив сам приходит ему на помощь. Именно во взаимопомощи проявляются лучшие черты российского человека.

Принцип «будь как все» действует при наличии определенных регуляторов, обеспечивающих его реализацию. Таковыми являются: актуальный контроль, фиксирующий нарушение принципа «будь как все», проявляющийся во взаимном наблюдении друг за другом — всевидении, и превентивный контроль, предупреждающий отступление от главного принципа русского коллектива, осуществляющийся во взаимном общении.

Всевидение, взаимонаблюдение друг за другом — черта русских коллективов, действие которой постоянно и всепроникающее. Примечателен пример, когда руководитель финансовой организации, чтобы стимулировать деловую активность своих подчиненных, решил ввести тайну получения зарплаты. Каждый подчиненный получал зарплату в отдельном конверте. Через неполный месяц это был уже секрет Полишинеля, каждый в коллективе знал, кто сколько получает. Этот пример показывает всевидение коллектива.

Всевидение рождает у индивидов чувство, что от общества ничего не утаишь. Социум всевидящ. И само всевидение приобретает характер надсубъектности. Именно поэтому коллектив обладает как бы священной санкцией всевидения.

Чувство всевидения — характеристика особого нравственного настроения, ориентации индивидов на коллективное взаимодействие, а не на самостоятельное ответственное действие. Данный настрой определяет коллективное поведение, предполагающее равенство и

принцип «будь как все» (или «не отрывайся от коллектива»). Любая попытка выделиться индивидом из коллектива в русском обществе несет за собой общественные санкции, репрессии коллектива. Всевидение — регулятор общественной жизни в коллективе, формирующий у индивидов на уровне психологии чувство страха, на этическом уровне — чувство стыда. А отсюда любое будущее деяние русский человек всегда оценивает с точки зрения стыда. Тем более, любое общественное деяние должно иметь санкцию коллектива. Значит, такое деяние должно быть принято коллективом как деяние в интересах коллектива.

Взаимообщение — превентивный регулятор принципа «будь как все». Именно в общении человек открывает себя. Постоянное общение и постоянная открытость — характерная черта русских коллективов. Неслучайно даже на работе общение, «чаепитие», «курение» преобладают зачастую над делом, во всяком случае, обладают большей ценностью. Общение — тот механизм, который делает русского человека постоянно открытым, «прозрачным» для коллектива. Особой формой общения оказывается застолье с обязательной выпивкой. Именно выпивший человек становится предельно открытым для окружающих («что у трезвого на уме, то у пьяного на языке»). Отказ от участия в совместной выпивке — признак закрытости индивида, его отказ от открытости, и более того, проявление «неуважения обществу».

Таким образом, священные нормы коллектива реализуют, прежде всего, принцип «будь как все». Коллектив со сложившимися связями и постоянным составом индивидов может сформировать достаточно сложную систему норм и репрессий. Неустойчивые коллективы дают большую свободу индивиду, но не исключают «всевидения» и «взаимообщения». Отсюда следует вывод: на Западе принуждает норма, в России — коллектив. Специфика западного общества в отличие от русского обусловлена, во-первых, рационализмом, а во-вторых, фиксированной (чаще всего писаной) нормой, предполагающей уточнение «своего», и точной фиксации правил взаимодействия.

Однако действия любого индивида не могут быть до конца определены и оговорены, или, другими словами, нельзя создать раз и навсегда готовый и совершенный механизм своеобразного межевания. В процессе осуществления действия индивидам свойственно выходить за границы оговоренного регламента, что приводит к изменению границ взаимодействия. И, как следствие, действие западного индивида

на своей территории предполагало постоянное уточнение границ области своего во взаимодействии с другими индивидами. Стремление определить свое пространство и сохранить взаимодействие с другими — типичный образ действия, характерный для западных индивидов.

Западный человек, столкнувшись с новыми обстоятельствами, препятствиями, ограничивающими его действие, либо принимает ограничивающие его социальные правила, либо вступает с ними в открытую борьбу. Результатами ее может быть победа, либо, напротив, поражение индивида. Но чаще всего такая борьба заканчивается трансформацией правил, что есть не что иное, как результат разрешения противоречий. Стороны вырабатывают новые правила, то есть происходит адаптация этих противоборствующих сторон друг к другу.

Данный характер взаимодействия индивидов неминуемо вел к противоречиям и конфликтам. Впервые как факт это зафиксировал, описал и подробно проанализировал французский мыслитель Ф. Гизо, высказав мысль о том, что противоречия являются источником развития общества и что европейская цивилизация развивалась через разрешение конфликтов и противоречий.

Конфликтное состояние (возникающих во взаимодействии индивидов, групп, классов) может привести к разрушению социальной системы, поэтому становится необходимым механизм урегулирования конфликтов. Заслуга Гизо в том, что он показал: именно разрешение конфликтов является шагом социального развития. И это очень важная мысль для понимания западной культуры — не сами по себе противоречия, а их разрешение является фактором эволюции общества.

Инструментом урегулирования постоянно возникающих конфликтов в конечном итоге явилось формирование отношений собственности и частного права, а в итоге — формирование целостного механизма общественного договора. Общественный договор предполагает наличие свободно действующих индивидов, которые добровольно ограничивают свое действие, передавая часть своей социальной активности институту власти, который, в свою очередь, обязуется регулировать взаимодействие индивидов и защищать их в однозначно оговоренных и прописанных сферах действительности. Все стороны общественного договора имеют определенные права и обязанности. Таким образом, общественный договор

трансформировал энергию конфликта и противоречия в социальное сотрудничество.

В дальнейшем эволюция культуры западного общества направлялась развитием общественного договора, который в самом общем социальном плане обеспечил первоначально механизм разрешения противоречий между индивидами по поводу их обустройства и отношения к имуществу. Обустройство предполагало принуждение индивида действовать по установленным, зачастую жестко регламентированным правилам в сфере взаимодействия с другими индивидами. Одновременно индивид оставался независимым и свободным в той сфере деятельности, где он не был связан взаимодействием с другими индивидами. А таковой, как правило, оказывалась сфера действия индивида со своим имуществом (подчеркнем — в тех случаях, где отсутствовало взаимодействие с другими индивидами). В этой сфере индивид был абсолютно свободен. Таким образом, в западной культуре свобода и имущество оказываются связаны прямо пропорционально. Чем больше имущества, тем больше свободы.

Действие общественного договора, в свою очередь, было направлено на определение пространства свободы индивида. Сам общественный договор представал как своеобразная межа между индивидами. Естественно, общественный договор не обеспечивал индивиду рост богатства, но он, прежде всего, гарантировал ему его сохранение, а также и его защиту (в том случае, конечно, если рост этого богатства будет осуществляться по оговоренным правилам взаимодействия).

В таком случае «нормальным» (для Запада) было развитие через противоречия и конфликты (иначе мог возникнуть застой, стагнация и умирание), условием же конфликтов становились амбиции и потребности индивидов. А отсюда, чем выше потребности индивидов, тем вероятнее столкновение интересов индивидов в тех областях, где взаимодействие не оговорено, что приводит к конфликту. Разрешение конфликта возможно, когда стороны, в конце концов, оговаривают принципы взаимодействия. В результате общественный договор расширяется. Индивиды самоограничивают себя во взаимодействии, но при этом более четко описывают область своей свободы (что обеспечивает самоактуализацию).

В основании двух различных систем взаимодействия индивидов Запада и России лежит в одном случае — общественный договор, в другом — круговая порука. Это два механизма,

сложившиеся в разных культурах, две реакции на взаимодействие со средой, приводящие к двум различным следствиям. Поэтому индикатором развития и отдельного индивида, и общества в целом в западной культуре является свобода, или расширение прав и свобод индивида через развитие механизма собственности и общественного договора. Чем больше отличается индивид от других, тем более он свободен, богат, независим и тем выше его статус в западном мире.

Коллективное взаимодействие в русской культуре имело совсем иные основания (а значит, и следствия должны быть иные). Западный коллектив строился на разрешении противоречий. Хозяйственная деятельность россиян предполагала, напротив, коллективное взаимодействие. Возникновение противоречий, конфликтов в таком взаимодействии могло послужить причиной гибели социума. Поэтому механизм взаимодействия должен был предполагать инструменты, не допускавшие возникновения конфликтов, инструменты, превентивно исключающие противоречия. Выше отмечалось, что невозможно создать оговоренные, однозначно понимаемые правила взаимодействия, а если так, то российское взаимодействие должно было быть построено не на четко регламентированных правилах (да и импульсивный характер русского человека не принял бы жесткий регламент), а на чем-то ином.

Индикатор западного развития — независимость. В российском социуме действует противоположный принцип. Вместо принципа «независимости от общества» действует противоположный — зависимость. Зависимость от коллектива, зависимость от принципа «будь как все». Такая зависимость выразилась в создании внутриобщинной жесткой иерархии, построенной на статусных ролях, внутриобщинной системе контроля и репрессиях по отношению к индивиду. Без сомнения, в западных общинах также складывалась иерархическая система статусных ролей, но по характеру она была иной. Статус индивида западной общины определялся степенью свободы и независимости от общины. А свобода измерялась «площадью» обустройства, или величиной богатства. На Западе действовал принцип: чем больше у меня земли (а в дальнейшем имущества, или богатства), тем выше у меня статус. Частная собственность — это гарантия статуса. Поэтому критерий статуса, точнее, индикатор статуса один — богатство. Статус индивида определяется удобной и простейшей шкалой. Русский

же человек зависим от коллектива. И именно коллектив определяет статус индивида.

Анализируя поведение западного индивида, отметим: его свободное поведение проявляется там, где его действия не регламентированы: «То, что не запрещено, разрешено». Ну, а если взаимодействие оговорено, то западный индивид дисциплинированно следует правилу.

Во взаимодействии русских индивидов действует противоположное правило. Индивид перед совершением действия должен найти способ определить, не будет ли его действие противоречить коллективу и не доставит ли он беспокойства другим индивидам. Как он сможет это определить, зависит от личных способностей индивида. Как правило, это внутреннее чувство, характерное для русских индивидов, — чувство превентивной ориентации в коллективе. Однако если индивид не сориентируется, поведет себя неправильно, коллектив применит репрессии к нарушителю, накажет его за ошибку. Если же такой способ не найден, то из-за неосознанного страха перед репрессиями коллектива русский человек будет терпеть, будет робок и застенчив (возможен иной вариант — отчаянное действие-протест, но это происходит только в том случае, когда индивид целенаправленно стремится противопоставить себя коллективу; в результате такой индивид в русском коллективе становится изгоем, маргиналом). Напротив, довольно легко себя находит в коллективе именно тот человек, который обладает развитым чувством превентивной ориентации. Если же, во-первых, действия определяемы данным чувством, во-вторых, в его действиях не бросается в глаза личная заинтересованность, а напротив, присутствует воля действовать ради общества, то именно такой индивид может снискать уважение окружающих.

Русский человек, прежде всего, должен развивать в себе чувство превентивной ориентации в коллективе. Русский индивид, снискавший уважение, не просто такой, как все, он сам — суть коллектива. Совершенствуя в себе чувство коллектива, индивид достигает статуса лидера, и тогда его действия превращаются в стандарты и образцы поведения для коллектива. Такой человек становится «законодателем мод». Естественно, до тех пор, пока чувство коллектива ему не изменит.

Итак, для Запада — «будь индивидуален, но следуй установленным однозначным правилам». Для России — «будь как все и следуй за лидером». Лидер в данном случае понимается как индивид, персонифицирующий принцип

«будь как все». А значит, мотив российского индивида можно обозначить как «личная преданность» (в отличие от мотива западного индивида, известного как «частная инициатива»). Личная преданность — принцип, кумулирующий в себе и императив православной морали — смирение, и основу бытовой морали — «будь как все и следуй за лидером». Это же одновременно и способ правильного действия в российском обществе.

Итак, для того чтобы достичь высокого статуса на Западе, достаточно быть богатым. В России статус связан сужением «быть как все». Чем выше такое умение, тем выше статус. Человек может приобрести богатство и даже может купить себе статус, но он его не сохранит, если у него отсутствует чувство превентивной ориентации в коллективе. На Западе богатство равнозначно статусу в России чаще всего, богатство — следствие статуса. Богатство для западного индивида — индикатор успешной реализации принципа культуры, принципа, основанного на самостоятельности (независимости), способности «все заработать своими руками», принципа частной инициативы.

Однако в России есть особый индикатор статуса индивида — система льгот. Индивид ориентирован системой норм и ценностей на зависимость от нормы «будь как все». Российский индивид не зарабатывает, а заслуживает. Заслуги индивида — и есть комплекс льгот, соответствующий достигнутому статусу. Система льгот — воплощение принципа «личной преданности». По своей сути, это и есть принцип мотивации труда в российских коллективах.

Система льгот, чтобы мобилизовать энергию индивидов, должна соответствовать их социальным ожиданиям, а тем самым индексировать статус, так как ожидания связаны с возможным достижением, поэтому каждому статусу «положены» определенные льготы. Индикация статуса — первая функция системы льгот.

Однако удовлетворенные ожидания приводят к потере социальной активности, поэтому другим важным моментом является поддержание ожиданий. В советское время для ряда работников надежда на получение квартиры была серьезным основанием для отказа от смены работы. Пока существовала надежда, человек не оставлял даже ту работу, которая ему не нравилась, оставаясь при этом добросовестным работником. Получив квартиру, такой работник увольнялся, но до получения квартиры он вынужден был терпеть. И его терпение поддерживалось. Очередь на квартиру

гласно представлялась. Профсоюзная организация информировала о движении очереди. Возникавшие конфликты по поводу очередности получения квартиры только усиливали общее ожидания. Механизм очереди на квартиру — сложившаяся со временем адаптивная система поддержания ожиданий.

Главными особенностями механизма поддержания ожиданий являются:

— неполное удовлетворение, как человек должен выходить из-за стола с легким чувством голода, так и для субъекта обаяния недопустимо полностью насыщать тех, кто ему симпатизирует;

— нельзя не удовлетворять ожидание, иначе провоцируется агрессивная активность;

— контроль за удовлетворением ожиданий. По сути, это организации системы льгот, механизм, усиливающий ожидания тех, кто утрачивает надежду; проявляя равнодушие к тем, кто полон ожиданий; прибегая к репрессиям по отношению потерявшим веру.

Поддержание ожиданий — вторая функция системы льгот.

Отличительной особенностью личной преданности от частной инициативы является сохранение состояния зависимости. Зависимость членов коллектива от лидера — инструмент мобилизации активности индивидов. Зависимость основывается на ожиданиях. Чем сильнее ожидание члена коллектива, которое может удовлетворить лидер, тем выше его зависимость, а значит, и авторитет лидера.

Однако очень часто зависимость проявляется в стремлении не получить что-то, а не потерять то, что есть. Инструменты экономической и административной зависимости обеспечивают авторитет руководителя, а тем самым устойчивость, активность и управляемость коллектива.

Сохранение состояния зависимости — третья функция системы льгот.

Проведенные в Ижевске социологические исследования показали корреляцию удовлетворенности трудом и отлаженной системы льгот на предприятиях. Кроме того, эти исследования показали еще один факт — отсутствие зависимости между уровнем и регулярностью выплаты зарплаты и удовлетворенностью трудом на предприятиях. В целом престижными предприятиями общественное мнение признавало предприятия, где сложилась устойчивая система социальных гарантий и льгот.

Заметим, что исследования в области макросоциологии и теории институтов подтверждают наличие существенной разницы в экономическом устройстве западной и российской систем хозяйства (в более общем смысле — западной и восточной систем) [5].

Остается, однако, открытым вопрос о необходимости заимствования отдельных элементов индивидуалистической этики в процессе формирования и упрочнения рыночных отношений в России. В [4] отмечается, что использование ряда элементов западной ментальности было бы полезным в сфере макромотивации.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990.
2. Булгаков М. А. Собачье сердце // Булгаков М. А. Собр. соч.: в 5 т. — М.: Художественная литература, 1992. — Т. 2.
3. Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.
4. Дедов Л. О поисковой активности и инновационном стиле развития общества, как факторах успешной динамики догоняющих экономик // Общество и экономика. — 2012. — №5.
5. Кирдина С. Г. X и Y экономики. Институциональный анализ. — М.: Наука, 2004.
6. Маслоу А. Мотивация и личность. — СПб.: Евразия, 1999.
7. Нил Сорский преподобный. О восьми главных страстях и победе над ними. — М.: Благо, 1997.

УДК.331.101.3: 141 (470)Институциональная экономика

Ключевые слова: общественные нормы, этический строй западного общества, этический строй российского общества, коллективные факторы поведения, трудовая мотивация